«ГЕРОИЧЕСКАЯ симфония» в-общем и целом закончена. Закончена? Как много еще в искусстве несовершенного! Иное дело у господина аббата Фоглера, его знаменитого и могучего соперника: вольно ему говорить, что он «создал и завершил свое новое произведение»... Он, Бетховен, еще ни разу не «создал произведения». Ни, тем более, «завершил» его. Свои вещи «скромно писал» и был рад, когда они оказывались настолько «законченны», что он мог передать их копиистам.

Сейчас он был выжат до капли, как губка, покой ему нужен, покой. Но где он?

И потом — эта опера. В ближайшие дни он должен завершить оперу, и это после того, как он отверг предыдущее предложение — нелепый опус об Александре Великом в Индии, в лух и прах разругавшись с дирекцией театра. Он, правда, сделал наброски нескольких ансамблей, но ничего путного из этого не вышло.

Вместе с тем он ощущал в себе нечто, звучавшее как призыв. Какой искус эта опера: она навевала на него воспоминания детства, когда он, исполненный гордости (до чего это смехотворно по сегодняшним масштабам!), играл в оперном оркестре на чембало. К тому же он еще не забыл обиды, испытанной при словах: «Тебе никогда не превзойти Генделя, мастера оратории! А кто мастер оперы? Ты забыл о Моцарте?»

Либреттисты предложили назвать оперу «Фиделио». «Фиделио» сопротивлялся. Бетховен порвал наброски, чтобы освободиться от того, что, возможно, еще много дней будет вести его неверным путем.

Таким образом, он на том же месте, что и вчера вечером, когда ему так хорошо работалось. Да, есть новости: в Эдинбурге объявился издатель, заинтересовавшийся его работами. Бетховену заказано обработать цикл шотландских народных песен. Это ему по душе.

Ничто не утомляет так, как бестолковая работа. Она мучает тебя, лишает всех радостей. Но где же, где ошибка в «Фиделио», в чем корень зла?

Он снова обратился к тексту, который и так уже изучил от корки до корки.

Любовь, супружество, верность, самопожертвование, женщины...

Захватывающая история, и как было бы прекрасно воплотить все это в музыку — во имя борьбы и жизни, во имя любовной женщины! Но пока что у него все это лишь в теории, в идее, в воображении. Это как с тенями, лежащими на стенах: сколько ни расставляй руки, не обнимешь, уйдешь ни с чем.

Симфония № 3, «Героическая», только что принесена копиистом, и даже один внешний вид ее внушает радость и гордость. Вот оно лежит, это «чудовище», которое он покори и заключил в два тяжелых, толстых рукописных тома. Титульный лист еще чист; каково же будет посвящение? Белая бумага неотвратимо влекла его к себе, он даже улынулся. Это как в детстве, когда ему хотелось показать всем свое искусство писать. Но сейчас у него другой повод, важный, почти торжественный.

Он написал на листе сверху: «Буонапарте». Потом сузил глаза, критически оглядывая дело рук своих: Да, хорошо. Ясные, четкие буквы. И ничего другого, кроме слов посвящения. Но что?.. «Знаменосцу свободы»?

Нет, чересчур помпезно, великие вещи должны именоваться просто. Простота, простота — кстати, чем не девиз для самого искусства?

«Брату человечества»... Не слишком ли расплывчато и уклончиво? Нужно подождать, пока придет подходящая мысль. Но чтобы придать посвящению больше определенности, он поставил внизу на листе свою подпись: «Людвиг ван Бетховен». «Людвиги» — его имя по-итальянски, как и «Буонапарте», имя главнокомандующего и триумфатора в Верхней Италии.

Свою подпись он начертил резким, несколько вызывающим почерком. Ему не к лицу смирение перед Буонапартом, и потом — разве рукопись самой симфонии не была написана этой рукой и этим почерком?

Буонапарт и Бетховен. Два краеугольных камня симфонии. Два тома рукописи лежат на рояле, а он, держа в руке гусиное перо, размышляет о длинном пути, который он проделал, чтобы достичь сегодняшнего дня. Его детство, горчайшая юность...

Красное лицо со шрамом, нелепая фигура и какой-то дьявольский блеск глаз всегда отталкивали от него товарищей в школе. К тому же все — что правда, то правда — знали о подвострастии его отца перед кардиналом, о его веч-

«Через борьбу — и победы!» — этот девиз великого немецкого композитора Людвиг ван Бетховена (1770—1827 гг.) выражает суть его титанической личности и новаторской музыки. Жизнь и творчество Бетховена были исполнены тяжелой борьбы и суровых испытаний. Убедительный демократ, пылкий свободоловец и страстный гуманист, он сражался своим искусством за справедливость, равенство и счастье всех людей на земле.

26 марта исполнилось 150 лет со дня смерти великого композитора. Но минувшие полтора столетия еще ярче раскричали непреходящую цен-

ность и неувядаемую современность его музыки. Нынешний год в ГДР объявлен годом памяти Бетховена. Торжественные собрания, концерты, выставки, симпозиумы музыковедов состоятся в ГДР, ФРГ, Советском Союзе и других странах мира.

Жизни и творчеству Людвиг ван Бетховена посвящен роман «Аппассионата», принадлежащий перу известного писателя и искусствоведа ГДР Альфреда Аменды. Мы публикуем отрывок из этого произведения, выдержавшего в ГДР уже около десяти изда-

смысл во всем этом? То он посылает королей и дворян на гильотину...

— Разве не поделим им?!

— Хорошо, хорошо, не будем об этом спорить, но теперь он сам становится королем, пардон, почтительнейше прошу извинить меня, императором. На церемонии коронации его величества всемилоостивейше объявлено о возведении в высшие дворянские звания особ из его окружения. Я не желаю превосхищать события и делать дурные предсказания, но... Но дворянство, недавно отмененное, снова явилось на свет божий и опять в силе, а как же теперь обстоят дела с вашими правами человека?

— Он будет попирает их ногами!

— И зачем вся эта коронация? Я думаю, что подлинный революционер, каким он себя считает...

— Значит, и как революционер он всего лишь капрал! По мыслям, по характеру своему — маленький и жалкий капрал! — взревел Бетховен.

Дрожа от ярости, он бросился к партитуре. Цмескалл и Рисс вскочили с мест:

— Людвиг! Маэстро!

Бетховен зло, нехорошо ухмыльнулся.

— Вы вообразили, что из-за этого жалкого, ничтожного, презренного капрала, предавшего революцию, я уничтожу хоть одну ноту моей симфонии? Но этот титульный лист — он в грязи, долуй его!

Вырвав лист и разорвав в клочки, он швырнул их на пол.

— Вот вам мое верноподданнейшее поздравление к коронации! Предатель!

Взяв гусиное перо, обмакнул, заставил руку не дрожать и крупными буквами вывел на втором экземпляре: «Героическая»...

Избавившись от гостей, он отдался своему гневу. Первым импульсом было желание немедленно отказаться от «Фиделио», потому что первоначальный вариант либретто написан французом и первая опера на сей сюжет — французом же. Но благоразумие в конечном итоге взяло верх. И вот, как всегда в трудные минуты, он садится за рояль, откидывает крышку.

Но что же он должен сочинять сейчас, когда развеваны в прах его иллюзии, надежды?

Снова на клавиатуре лежала книжечка с текстом «Фиделио», Бетховен взял ее в руки, принялся механически перелистывать.

Прошло некоторое время, пока до его сознания начал доходить смысл слов, которые он читал:

«Бог мой! Какая темень здесь! Какое мрачное молчанье!»

Кто это говорит? Флорестан, да, он тоже попал в безнадежный мрак и страшное молчанье.

Он перевернул страницу — предатель Пицарро восклицает: «Триумф! Триумф!» Этот неверный капрал — он тоже объявил коронацией о своем триумфе.

Снова Флорестан? Нет, на сей раз министр, спасший из подземелья осужденного на смерть Флорестана и глядящий на него в ужасе:

«И это он — кого считали все погибшим? Тот, благородный, кто за правду бился?»

А что он говорил пленнику незадолго до этого? Ведь это были также хорошие, человеческие слова:

«Он не стоит по-рабски на коленях И страха пред тиранами не знает. Всегда он в людях видит братьев И, если может, всем им помогает».

И снова какал-то мощная лавина смела все препоны, и он с удивлением и радостью почувствовал, как его захлестнула жаркая волна...

«Бог мой! Какая темень здесь! Какое мрачное молчанье!»

Да, это был сам мрак подземелий — черные головки нот, которыми он усеял бумагу!

«Триумф! Триумф!»

Но рано торжествовать, Пицарро!

Почему?

«Есть еще люди, которые бьются за правду». Они — здесь, сегодня, сейчас. И так будет ныне и присно:

«Всегда он в людях видит братьев И, если может, всем им помогает».

Братя, подайте друг другу руки и дайте руку мне!

Моим ответом будет революционная опера! Призыв к человечности, которая должна победить, к справедливости и вашему спасению, братья! «Фиделио» будет песней верности! Братя, следуйте за мной! Я буду вам верен!..

Перевел с немецкого Евг. ФАКТОРОВИЧ

Альфред АМЕНДА (гдР)

Я, БРАТЯ, ВЕРЕН ВАМ!

ных унижениях. А ведь он был сыном этого отца, над которым, как над пьяницей, в конце концов учредили опеку. Но хоть и не было пьянства, отец и он были из «своры плетеев», как изволил выразиться курфюрст.

Как все в жизни переплетено, как подчас простота превыше сложности! Рассказал ему однажды Бернадотт о Буонапарте, обратил его внимание на трехцветное знамя свободы, равенства и братства — и вот оно, знамя, в его рукописи! Многие ли последуют за ним? Надо признаться, тут он настроен довольно скептически. Правда, у него есть почитатели и даже друзья, настоящие друзья. Но не из дружбы ли они терпят его поклонение знамени, посмеиваясь над этим, как над чуждостью художника?

«Маленький капрал!» Так называли Буонапарта солдаты из уважения и любви, несмотря на генеральский мундир и высокое положение первого консула. Ибо он все еще оставался в бивуачных огнях, завернувшись в свою шинель, под холодными звездами или снегом.

Может быть, выразить это в посвящении?

В комнату, задыхаясь, ворвался Рисс:

— Маэстро, депеша из Парижа. Буонапарт стал императором!

Лоб Бетховена покрылся бугорками морщин.

— Кем?

— Его зовут теперь Наполеон Первый, он сам провозгласил себя императором... Франция больше не республика!

Красное лицо Бетховена покрылось бурыми пятнами, потом посерело.

— Фердинанд, вы шутите? Это была бы в высшей степени неуместная шутка, особенно в тот момент, когда я получил копии симфонии. Кстати, вы могли бы сверить их с оригиналом.

Рисс почтительно приблизился к роялю.

— Вот, значит, она, «Героическая симфония» маэстро...

— Только, мой друг, вам, по-видимому, придется пожертвовать чистый лист бумаги. Его величеству императору Франци Наполеону Первому будет в высшей степени неприятно увидеть в посвящении простодушное, а потому отныне глупое обращение «Буонапарте» — это голос вошедшего Цмескалла.

Лицо этого сибарита, обычно безмятежное, выражало сегодня некоторую растерянность.

— Молчишь, Людвиг? А мне крайне любопытно было бы услышать ответ на один вопрос. Я оставляю за каждым право на собственное мнение, особенно в том, что касается политики. И вообще, один любит блондинок, другой — брюнеток, тут бессмысленно вмешиваться или советовать. Но какой же